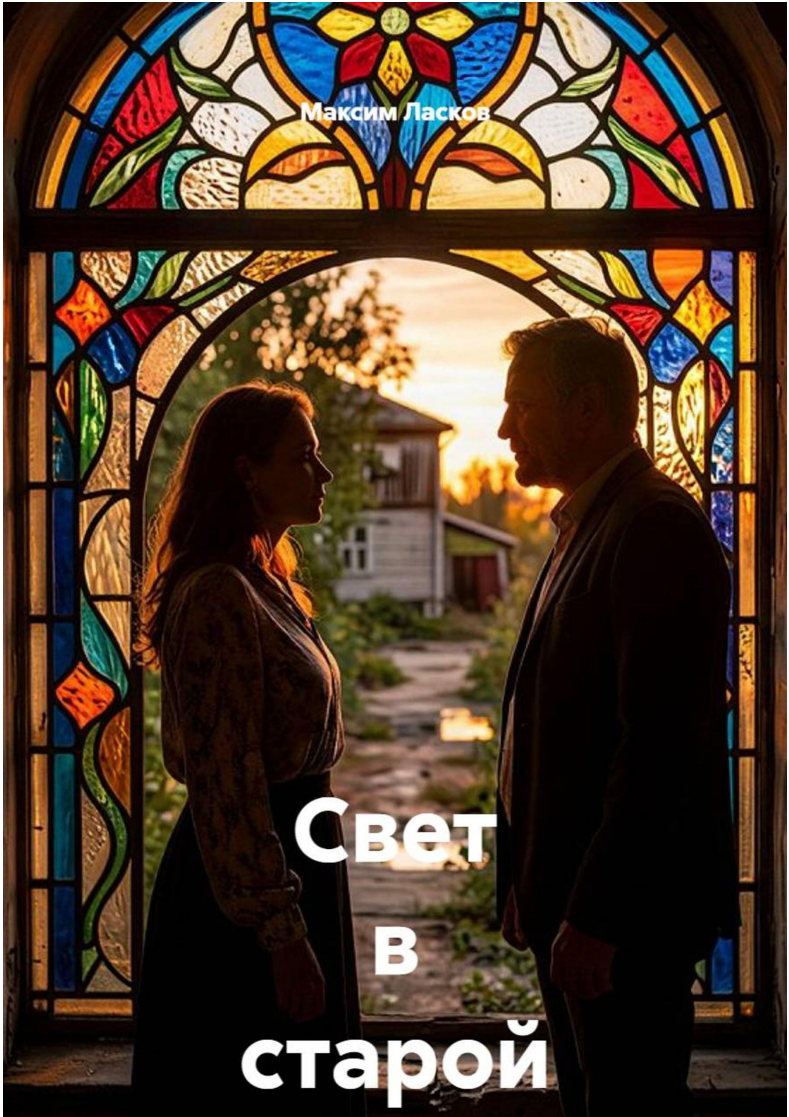
Максим Ласков
Свет
в
старой

Максим Ласков

Свет в старой оранжерее

https://litres.ru/74690938
SelfPub; 2026

Аннотация

Вера, реставратор витражей, возвращается в родной приморский город спустя шестнадцать лет — продать бабушкин дом и восстановить старый витраж в заброшенной оранжерее. Она планирует пробыть здесь шесть недель и уехать, оставив прошлое позади. Но всё меняется, когда она узнаёт, что заказчик — Илья Воронов, мужчина, с которым её когда-то развела необъяснимая тишина. Он восстанавливает усадьбу, которую город хочет снести, и просит Веру о помощи.

Среди эскизов, цветного стекла и солёного ветра возвращается старое притяжение, а вместе с ним — вопросы, на которые никто не хочет отвечать. Почему письмо Веры так и осталось без ответа? Кто и зачем вмешался в их прошлое? И что важнее — привычная безопасность или город, где её ждут незавершённая работа, семейная тайна и мужчина, который не стал её удерживать?

«Свет в старой оранжерее» — тихая, тёплая история о втором шансе, о том, как стекло хранит свет, а люди — память. О том, что иногда нужно вернуться назад, чтобы наконец понять, куда идти.

Содержание

Глава 1. Возвращение 4
Глава 2. Заказ 14
Глава 3. Мастерская отца 22
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Максим Ласков
Свет в старой оранжерее

Глава 1. Возвращение

Автобус остановился в шесть минут седьмого, хотя по расписанию должен был прийти в начале шестого. Вера успела забыть эту местную особенность — здесь время текло не по часам, а по настроению, и опоздание на целый час никого, кроме неё, не удивило. Пассажиры поднимались неторопливо, переговариваясь о ценах на рассаду, и выбирались на площадь, залитую ранним светом, мягким и почти медовым.

Она вышла последней, поставила чемодан на потрескавшийся асфальт и на секунду зажмурилась. Пахло морем, пылью и чем-то ещё — остывшим за ночь камнем, нагревающимся под утренним солнцем. За шестнадцать лет этот запах ничуть не изменился, а вот всё остальное — изменилось сильно. На месте бывшего гастронома теперь стояла кофейня с чёрными рамами, автобусная остановка обзавелась стеклянной крышей, а старый тополь у поворота спилили, оставив широкий, непривычно пустой перекрёсток.

Вера достала телефон, чтобы вызвать такси, но потом убрала его обратно в карман. Идти до улицы Чайковского было минут двадцать, и эти двадцать минут ей были нужны.

Не для того, чтобы привыкнуть к городу, — для того, чтобы привыкнуть к себе в этом городе.

Она катила чемодан по тротуару, и колёса стучали на стыках плит. Мимо прошла женщина с сумкой клубники, кивнула — не ей, просто так, по-здешнему, всем подряд. У калитки возился мальчишка с велосипедом, у которого слетела цепь. Из открытого окна второго этажа доносился телевизор, где бодрый голос обещал тепло и переменную облачность.

Дом тёти Нины стоял на углу, приземистый, с зелёными ставнями и разросшейся сиренью, которая уже отцветала, осыпая тротуар мелкими сухими звёздочками. Калитка была не заперта. Вера толкнула её и остановилась на дорожке, потому что на крыльце уже стояла тётя Нина — в халате, с полотенцем на плече, будто ждала с самого рассвета.

— Ну наконец-то, — сказала она вместо приветствия. — Я уже думала, ты передумала.

— Автобус опоздал на час.

— Конечно, опоздал. Он всегда опаздывает. Ты бы позвонила.

— Я звонила. Ты не брала.

Тётя Нина махнула рукой — мол, что за глупости, — и пошла навстречу, и обняла так крепко, что у Веры хрустнуло в спине. От неё пахло мылом, укропом и немного валерьянкой. Вера закрыла глаза и позволила себе на несколько секунд стать снова двенадцатилетней, когда весь мир помещался между этим крыльцом и морем.

— Худая какая, — заключила тётя Нина, отстраняясь и оглядывая её с головы до ног. — Ты вообще ешь?

— Ем.

— Вижу я, как ты ешь. Одни глаза остались. Пойдём, я завтрак держу.

Завтрак оказался не завтраком, а полноценным наступлением: творог, сметана, варенье из прошлогодней черешни, горячие сырники и чай в большом пузатом чайнике, который Вера помнила ещё с детства. Она села за стол у окна и впервые за последние недели почувствовала, что голодна по-настоящему, а не просто потому, что нужно поесть.

— Сколько ты собираешься тут быть? — спросила тётя Нина, усаживаясь напротив с чашкой, но не притрагиваясь к ней.

— Шесть недель. Может, меньше.

— А потом?

— Потом продам дом и вернусь в Москву.

Тётя Нина помолчала, помешала чай, хотя в нём ничего не было, и сказала ровно:

— Дом я тебе не отдам.

Вера подняла глаза.

— В смысле?

— В прямом. Я его на тебя переписала, это твоё, но пока я жива, я из него никуда не пойду. И ты это знаешь, я тебе уже сто раз говорила. Продавать будешь после меня.

— Тётя Нина.

— Что «тётя Нина»? Я тебе не мешаю жить. Но и ты не мешай мне умереть там, где я родилась.

Спорить с ней было бесполезно, Вера это знала с детства. Она откусила сырник и сказала примирительно:

— Хорошо. Обсудим позже.

— Вот это другой разговор. — Тётя Нина наконец сделала глоток. — А работа?

— В оранжерее. Витраж.

— Ах, витраж. — Тётя Нина почему-то усмехнулась. — Ну да. Кто же ещё.

— Что значит «кто же ещё»?

— Ничего. — Она поднялась и понесла чашку к раковине, слишком поспешно, как показалось Вере. — Ничего не значит. Ешь.

Но Вера уже отложила вилку.

— Ты знаешь, кто заказчик?

— Знаю.

— И?

Тётя Нина обернулась, вытирая руки полотенцем, и посмотрела на неё с той смесью жалости и упрямства, которую Вера ненавидела больше всего, потому что она означала: тебе сейчас скажут что-то, что тебе не понравится, но сказать надо.

— Воронов, — произнесла она. — Илья Воронов. Он там всё восстанавливает. Уже второй год.

Вера не изменилась в лице. Она даже сумела улыбнуть-

ся — коротко, вежливо, будто речь шла о постороннем. Но внутри что-то дёрнулось, глухо и болезненно, как зажившая, но плохо сросшаяся кость в сырую погоду.

— Ясно, — сказала она. — Я могу отказаться.

— Можешь, — согласилась тётя Нина. — А хочешь?

Вера не ответила. Вместо этого встала, отнесла тарелку к раковине и сказала, что пойдёт пройдётся, потому что после автобуса нужно размяться. Тётя Нина не стала удерживать — только крикнула вслед, чтобы к обеду была дома, и Вера пообещала, прекрасно понимая, что, скорее всего, соврёт.

До оранжереи было пятнадцать минут по набережной. Вера шла медленно, останавливаясь там, где останавливалась бы, если бы просто гуляла. У парапета сидели рыбаки с удочками, у которых не было никакого смысла, кроме самого процесса. Две девчонки фотографировались на фоне чаек. Пожилой мужчина в панаме кормил голубей, и голуби вели себя нагло, как хозяева.

Море было спокойным, серо-синим, с длинной серебряной дорожкой от солнца. Вера смотрела на него и думала о том, что за шестнадцать лет научилась не оглядываться назад, и вот теперь придётся.

Усадьба начиналась сразу за старой лестницей. Когда-то здесь был то ли санаторий, то ли дом отдыха, потом — долгие годы запустения, заколоченные окна, битый кирпич. Сейчас

фасад был очищен, леса стояли только с одной стороны, и во дворе работали люди: двое возились с досками, кто-то сваривал в глубине, пахло металлом и свежей стружкой.

Вера остановилась у ворот. Оранжерея была видна отсюда — стеклянный купол, половина стёкол цела, половина нет, и в утреннем свете она выглядела как скелет огромной рыбы, выброшенной на берег.

— Вы к Воронову? — окликнул её парень в оранжевой каске. — Он внутри.

— Я по витражу, — сказала Вера. — Но, наверное, позже.

Она уже развернулась, чтобы уйти, когда за спиной хлопнула дверь.

— Вера?

Голос она узнала сразу — хотя за шестнадцать лет он должен был измениться, и изменился: стал ниже, суше, без той мальчишеской торопливости, что была раньше. Она обернулась.

Илья стоял на крыльце в рабочей куртке, с закатанными рукавами и карандашом за ухом, и вытирал руки о тряпку. Он постарел — не так, чтобы сильно, но по-настоящему: резче обозначились скулы, у висков появилась седина, которой раньше не было. Он смотрел на неё так, будто проверял, та ли это женщина, о которой он подумал.

— Здравствуй, — сказала Вера.

— Здравствуй. — Он спустился на две ступеньки и остановился. — Ты… Ты рано. Я ждал тебя в понедельник.

— Сегодня пятница.

— Да. — Он усмехнулся коротко, будто над собой. — Прости. У меня дни смешались.

Повисла пауза. Не неловкая, а какая-то плотная, как будто в воздухе между ними стало слишком много всего, что не помещалось в обычное «здравствуй, как дела».

— Мне сказали, ты берёшься за витраж, — сказал Илья.

— Я ещё не решила.

Он кивнул, как будто ждал этого ответа.

— Можешь посмотреть. Прежде чем решать. Он в плохом состоянии, но восстановить можно.

— Я знаю, в каком он состоянии. — Вера сказала это чуть резче, чем собиралась. — Я видела фотографии. Я реставратор, а не волонтёр.

— Я помню, кто ты, — тихо ответил Илья.

И вот от этой тихой фразы ей вдруг стало нечем дышать. Она отвернулась, сделала вид, что смотрит на море, хотя море было в другой стороне, и сказала ровно:

— Покажи.

Они прошли через двор, мимо рабочих, которые вежливо отступили в сторону, мимо штабеля досок, мимо разобранных рам. Илья шёл впереди, и Вера поймала себя на том, что смотрит на его спину и знает эту спину лучше, чем следовало бы.

Внутри оранжереи было прохладно и пахло землёй, стеклом и старым железом. Под куполом висел свет — мутный,

рассеянный, с цветными пятнами там, где уцелели стёкла. Вера подняла голову и на секунду забыла обо всём.

Витраж занимал всю торцевую стену — четыре на восемь метров, свинцовые переплёты, десятки треснувших и выпавших сегментов. Когда-то это было что-то вроде морского дна: водоросли, рыбы, свет, идущий сверху, как сквозь толщу воды. Сейчас уцелела едва половина, и та держалась на честном слове.

— Вот, — сказал Илья. — Комиссия сказала, что проще снести.

— Комиссия ошибается.

— Я тоже так думаю.

Вера подошла ближе, подняла руку, но не коснулась стекла.

— Тут работы на два месяца. Не на шесть недель.

— Я знаю. Я просил больше времени. Не дали. — Он помолчал. — Если ты возьмёшься, я буду помогать. Не как архитектор, а как… — Он подыскал слово. — Как подсобник.

Вера обернулась. Он стоял в двух шагах, спокойно, не отводя глаз.

— Почему ты не сказал, что заказчик — ты? — спросила она.

— Я сказал. В письме.

— В каком письме?

Илья нахмурился.

— В том, что отправил тебе в марте. Личное письмо, не официальное. А приглашение на объект тебе, видимо, прислали из администрации — они рассылали реставраторам. Ты ответила, что приедешь.

— Я ответила администрации. Что приеду посмотреть. — Вера помолчала. — А твоего письма я не получала.

Во дворе застучал молоток. Где-то наверху, под куполом, ветер тронул плохо закреплённое стекло, и оно тихо звякнуло.

Илья вытер руки о тряпку ещё раз, хотя они были сухие.

— Ладно, — сказал он наконец. — Это можно обсудить потом. Сначала посмотри работу. Реши, готова ли ты.

Вера снова подняла глаза на витраж — на трещины, на пустые гнёзда, на цветное стекло, которое ещё держалось.

— Готова, — сказала она. — Но у меня одно условие.

— Какое?

— Ты не будешь менять мои эскизы. Ни одного.

Илья посмотрел на неё — долго, внимательно, и в этом взгляде было что-то от того мальчишки с набережной, который когда-то обещал ей, что всё будет иначе.

— Договорились, — сказал он.

И протянул руку. Вера пожала её — коротко, по-деловому, — и всё-таки почувствовала, как под ладонью у него теп-

ло, и как это тепло никуда не исчезает, даже когда они отпускают друг друга.

Глава 2. Заказ

В понедельник Вера пришла в усадьбу к девяти, с папкой эскизов под мышкой и с твёрдым намерением не оставаться дольше, чем нужно для осмотра. Она заранее решила: подпишет договор, согласует смету, составит график — и всё. Работа есть работа. В Москве её ждала мастерская, клиенты, размеренная жизнь, в которой не было места ни морю, ни старым письмам, ни мужчине с карандашом за ухом.

Но у ворот её встретил не Илья, а тот же парень в оранжевой каске, который представился Артёмом и сказал, что Воронов на объекте с семи утра и просил проводить её прямо в оранжерею.

Внутри было светлее, чем в пятницу. Рабочие сняли часть защитной плёнки с купола, и утреннее солнце падало сквозь уцелевшие стёкла неровными цветными пятнами. На полу лежали доски, стояли козлы, пахло свежей стружкой и растворителем. Витраж ждал её молча, как пациент, которого уже осмотрели, но ещё не начали лечить.

Илья стоял у стены с рулеткой в руках. Услышав шаги, обернулся, и Вера отметила, что он всё-таки собрался: выбритый, в чистой рубашке, без карандаша за ухом. Будто готовился к переговорам.

— Доброе утро, — сказал он.

— Доброе.

Она положила папку на стол и достала эскизы, разложила их веером. Илья подошёл, вытер руки о тряпку — привычка, которую он, видимо, уже не замечал, — и склонился над листами.

— Это то, что было? — спросил он, разглядывая первый.

— Это то, что было, и то, что можно восстановить. — Вера развернула второй лист. — Здесь я предлагаю сохранить оригинальную геометрию, но заменить вот эти сегменты на новые. Стекло придётся заказывать, у меня есть поставщик, но срок — три недели.

— Три недели? — Илья выпрямился. — У нас нет трёх недель.

— У нас есть шесть. Я посчитала.

— Пять с половиной. Комиссия приедет в конце месяца, а не через шесть недель. Я узнал в пятницу вечером.

Вера медленно опустила лист.

— Ты знал это в пятницу. И не сказал.

— Я сказал бы. Но ты ушла раньше, чем я успел.

— Я ушла, потому что ты сказал «реши, готова ли ты». Я решила. Я пришла. А теперь выясняется, что сроки другие.

Илья провёл рукой по волосам — коротко, раздражённо, и Вера поймала себя на том, что помнит этот жест. Помнит, как он так делал, когда злился на себя, а не на неё.

— Давай сядем, — сказал он.

— Мне не нужно садиться. Мне нужно знать реальные условия.

— Реальные условия такие: витраж должен быть готов к двадцать восьмому. Или комиссия рекомендует снос. И тогда всё, что мы здесь делаем, — он обвёл рукой оранжерею, — не имеет смысла.

Вера посмотрела на витраж. Потом на эскизы. Потом снова на него.

— Три недели на стекло. Это не моя прихоть, это производство. Если брать готовое из каталога, оно не подойдёт по цвету и толщине. Я не буду халтурить.

— Я и не прошу халтурить.

— А что ты просишь?

Илья помолчал.

— Я прошу тебя посмотреть, что можно сделать быстрее. Может, часть стёкол можно сохранить. Может, поставщик ускорится, если мы заплатим за срочность. Я найду деньги.

— Ты найдёшь деньги, — повторила Вера. — А если не найдёшь?

— Найду.

Она смотрела на него и понимала, что он говорит не из упрямства. Он действительно верил, что найдёт. И это раздражало её больше, чем если бы он просто давил.

— Ладно, — сказала она. — Я посмотрю. Но я ничего не обещаю.

— Справедливо.

Они вернулись к эскизам. Илья задавал вопросы — точные, по делу, как архитектор, который понимает, о чём спра-

шивает. Вера отвечала коротко, стараясь не смотреть ему в глаза дольше, чем нужно. Но когда он наклонялся над листом, их плечи почти соприкасались, и она чувствовала тепло его руки рядом со своей. Он не отодвигался. И она не отодвигалась.

— Вот здесь, — сказала она, указывая на нижний сегмент, — трещина идёт по свинцу. Если её не убрать, она пойдёт дальше. Нужно разбирать.

— Сколько времени это займёт?

— Если работать вдвоём — два дня. Один я не справлюсь.

— Я помогу.

— Ты архитектор, а не витражист.

— Я умею держать инструмент, — сказал Илья спокойно. — И я умею слушать. Ты говоришь, что делать, я делаю.

Вера хотела сказать что-нибудь колкое, но вместо этого вдруг вспомнила, как много лет назад он точно так же сказал ей: «Ты говоришь, что делать, я делаю». Тогда это было про покраску лодки. Тогда ей было семнадцать, а ему двадцать, и всё казалось проще.

— Хорошо, — сказала она. — Но если ты испортишь стекло, я тебя убью.

— Договорились.

К обеду они разобрали первый ряд. Работа оказалась медленнее, чем Вера рассчитывала: свинец местами проржавел,

стекло крошилось под рукой, и каждый сегмент приходилось снимать с осторожностью, будто он был живым. Илья оказался терпеливее, чем она ожидала. Он не спорил, не лез с советами, делал ровно то, что она просила, и его руки — большие, с крепкими пальцами — оказались на удивление аккуратными.

— Ты не забыл, — сказала Вера, когда он в очередной раз правильно поддел штихелем свинцовую полоску.

— Что не забыл?

— Как это делается.

Илья усмехнулся, не поднимая глаз.

— Я много чего не забыл.

Она промолчала. В оранжерее стало тихо, только где-то наверху постукивало плохо закреплённое стекло, и ветер гулял под куполом, посвистывая в щелях.

— Вера, — сказал он через минуту.

— Что?

— Насчёт письма.

Она опустила руки.

— Я не хочу сейчас об этом.

— Я не прошу объяснений. Я просто хочу сказать: я отправил его в марте. На твой московский адрес. Я не знаю, почему ты его не получила, но я его отправил.

— Я тебе верю.

Илья посмотрел на неё — внимательно, будто проверял, не говорится ли это из вежливости.

— Спасибо, — сказал он.

— Не благодари. Это ничего не меняет.

— Я знаю.

Он вернулся к работе, и Вера тоже, но между ними теперь было что-то ещё — не тяжёлое, а хрупкое, как стекло, которое они держали в руках. Его хотелось не уронить.

После обеда приехал поставщик. Вера говорила с ним по телефону, стоя у открытых ворот, и Илья слышал, как она торгуется — спокойно, уверенно, не повышая голоса. Он смотрел на её профиль, на то, как она хмурится, слушая ответ, и как потом устало трёт переносицу.

— Что? — спросила она, обернувшись.

— Ничего. Просто ты выросла.

— Мы все выросли.

— Я не в этом смысле.

Вера убрала телефон в карман.

— Стекло будет через четыре-пять дней, если я заплачу за срочность. Но это дороже на треть.

— Я найду.

— Ты уже говорил.

— Я найду, — повторил Илья, и в его голосе было столько спокойной уверенности, что Вера впервые за день почувствовала, что, может быть, всё действительно получится.

Она вернулась к столу и достала договор. Илья прочитал

его внимательно, не торопясь, задал два вопроса по срокам и один по гарантии. Потом взял ручку.

— Ты уверена, что хочешь работать со мной? — спросил он, не поднимая головы.

— Я уверена, что хочу восстановить витраж.

— Это не одно и то же.

— Нет, — сказала Вера. — Не одно.

Он подписал. Она подписала. Договор лёг на стол между ними, тонкий, официальный, и на секунду Вере показалось, что всё это — только бумага, и ничего больше.

Но когда Илья протянул ей руку, она снова почувствовала то же тепло, что и в пятницу. И снова не отняла ладонь сразу.

— Завтра в восемь, — сказала она.

— В восемь.

Она вышла за ворота и пошла по набережной, не оглядываясь. Ветер был сильнее, чем утром, и море шумело громче. Вера шла и думала о том, что у неё есть пять с половиной недель, витраж, который может не получиться, и мужчина, который умеет слушать. И ещё о том, что тётя Нина наверняка уже что-то знает — потому что в этом городе скрыть что-либо было невозможно.

Дома её действительно ждали. Тётя Нина сидела на крыльце с вязанием, которое не вязалось, и смотрела на неё так, будто всё уже поняла.

— Подписала? — спросила она.

— Подписала.

— Ну и славно. — Она отложила спицы. — А теперь садись. Расскажи, как он.

— Тётя Нина.

— Что? Я просто спросила.

Вера села рядом на ступеньку и прислонилась плечом к её плечу.

— Он… — Она подумала. — Он стал спокойнее.

— Это хорошо или плохо?

— Не знаю.

Тётя Нина вздохнула и погладила её по руке.

— Ты тоже стала спокойнее. Только я не уверена, что это хорошо.

Вера ничего не ответила. Она смотрела на сирень, которая уже почти осыпалась, и думала о том, что завтра в восемь утра снова увидит его руки, и голос, и то, как он хмурится, когда сосредотачивается. И что это, пожалуй, самое опасное, что могло с ней здесь случиться.

Глава 3. Мастерская отца

Бабушкин дом стоял на той же улице, что и дом тёти Нины, только дальше, у самого спуска к воде. Вера откладывала поход туда три дня, находя себе оправдания: то работа в оранжерее затягивалась дотемна, то тётя Нина просила помочь с банками, то просто шёл дождь. Но в четверг утром дождь кончился, небо очистилось, и откладывать стало некуда.

Ключ она нашла в жестяной коробке из-под чая, где тётя Нина хранила всякую мелочь. Замок поддался не сразу — пришлось повернуть дважды, с усилием, и Вера подумала, что, наверное, дверь не открывали с прошлой осени.

Внутри пахло пылью, застоявшимся воздухом и ещё чем-то трудноуловимым — сухой древесиной, старой мебелью, выцветшими шторами. Вера прошла по коридору, не включая свет, и в гостиной остановилась. Здесь всё осталось так, как было при бабушке: круглый стол под кружевной скатертью, буфет с посудой, за стеклом которой стояли рюмки, которыми никогда не пользовались, диван с продавленным углом, где бабушка всегда сидела с вязанием. На стене — фотографии в деревянных рамках: Вера в первом классе с огромным бантом, родители на свадьбе, бабушка молодая, в платье с широким поясом, у той же самой калитки.

Вера провела пальцем по стеклу, оставив полосу на пы-

ли, и почувствовала, как внутри поднимается что-то тяжёлое, чему она не хотела давать названия. Она приехала сюда не для того, чтобы вспоминать. Она приехала, чтобы разобрать, подготовить к продаже и уехать.

На кухне она открыла кран — вода пошла ржавая, потом посветлела. Значит, коммуникации в порядке. Она записала в блокнот: «проверить электрику, вызвать оценщика». Потом прошла в комнату, где когда-то жила сама, и остановилась на пороге.

Здесь было пусто. Кровать убрана, шкаф закрыт, на письменном столе — только лампа и старая тетрадь. Вера открыла шкаф: внутри висели несколько платьев, которые она не носила с восемнадцати лет, и лежала коробка с открытками. Она не стала её открывать.

В конце коридора была дверь в мастерскую отца. Вера помнила её закрытой почти всегда — отец не любил, когда его отвлекали за работой. Он делал рамы, чинил мебель, вырезал по дереву, а однажды, когда Вере было десять, собрал ей кукольный домик с настоящими стеклянными окошками. Окошки он вырезал сам, из цветного стекла, оставшегося от какой-то старой двери, и Вера помнила, как они ловили солнце и бросали на пол красные и синие пятна.

Она повернула ручку. Дверь открылась без скрипа — видимо, петли смазывали не так давно, — и Вера шагнула внутрь.

Здесь было светлее, чем в остальном доме: окно выходи-

ло на юг, и утреннее солнце заливало верстак, полки, ящики. Пахло стружкой и машинным маслом. На стене висели инструменты — стамески, рубанки, пилы, — развешанные по размеру, как у хирурга. Вера провела рукой по рукоятке одной из стамесок: дерево было гладким, отполированным ладонью за много лет. Отец всегда говорил, что инструмент должен лежать в руке как продолжение, а не как чужой предмет.

На верстаке лежала недорезанная деревянная шкатулка. Вера помнила её: отец начал делать её за месяц до того, как ушёл. Она тогда спросила, для кого, и он ответил: «Для тебя. Будет, куда складывать всякие девчачьи секреты». Шкатулка так и осталась незаконченной — с шероховатыми краями, без крышки.

Вера села на табурет и положила руки на колени. Солнце грело спину, и в мастерской было так тихо, что она слышала, как где-то за стеной капает вода из неплотно закрытого крана.

Она просидела так, наверное, минут десять, прежде чем встала и начала разбирать ящики. В верхнем лежали чертежи, свёрнутые в трубку. Во втором — гвозди, шурупы, всякая мелочь в баночках из-под горчицы. В третьем, самом глубоком, Вера нашла свёрток из промасленной бумаги. Внутри были стёкла — маленькие, разноцветные, аккуратно обёрнутые каждое отдельно. Красные, синие, зелёные, жёлтые. Она взяла одно, поднесла к окну, и на ладонь упало

синее пятно.

— Вот ты где.

Вера обернулась. В дверях стояла тётя Нина, в куртке поверх халата, с сумкой в руках.

— Я стучала, — сказала она. — Ты не слышала.

— Не слышала.

Тётя Нина прошла внутрь, огляделась и вздохнула.

— Здесь всё так же. Я думала, ты уже разобрала.

— Я только начала.

— Ну да. — Тётя Нина присела на второй табурет, который стоял у верстака. — А я, между прочим, знала, что ты сюда пойдёшь. Ты всегда так делала, когда что-то было не так: приходила сюда и сидела.

— Я не сижу. Я разбираю.

— Сидишь, — сказала тётя Нина спокойно. — Это одно и то же, только с ящиками.

Вера не стала спорить. Она положила стёкла обратно в свёрток и аккуратно завернула.

— Тётя Нина, — сказала она. — А почему ты не сказала мне, что отец начинал эту шкатулку для меня?

— А зачем? — Тётя Нина пожала плечами. — Ты и так знала. Ты просто не хотела помнить.

Это было сказано без упрёка, скорее с той прямотой, которая появляется у людей, проживших достаточно долго, чтобы не тратить время на околичности. Вера опустила глаза.

— Я не знаю, что с этим делать, — сказала она. — Со всем

этим. С домом. С мастерской.

— Можешь продать, — сказала тётя Нина. — Можешь оставить. Но есть третий вариант.

— Какой?

— Открыть здесь мастерскую. У тебя же есть образование, есть руки. В городе такого нет. Люди ездят в область, чтобы рамы заказать. А у тебя всё под рукой: инструмент, помещение, свет.

Вера усмехнулась.

— Тётя Нина, я живу в Москве.

— Ты снимаешь квартиру в Москве, — поправила тётя Нина. — И работаешь на кого-то. Я не говорю, что это плохо. Я говорю, что это не единственный вариант.

— У меня там клиенты. Мастерская. Жизнь.

— Жизнь, — повторила тётя Нина и посмотрела на неё внимательно. — Скажи мне, Вера. Когда ты в последний раз делала что-то, что тебе действительно хотелось делать? Не по заказу, не по договору. Для себя.

Вера открыла рот, чтобы ответить, и поняла, что не может вспомнить.

— Вот то-то, — сказала тётя Нина, поднимаясь. — Ладно. Я не давлю. Я просто оставляю тебе эту мысль. А ты с ней походи.

Она вышла, и Вера слышала, как хлопнула входная дверь, как тётя Нина прошла по дорожке, как скрипнула калитка. Потом снова стало тихо.

Вера посмотрела на шкатулку. Потом на стёкла. Потом на инструменты на стене.

Она не знала, сколько прошло времени. Её вывел из задумчивости звук мотора во дворе — грузовик, судя по всему, подъехал к дому. Она вышла на крыльцо и увидела, как Илья выбирается из кабины, а следом за ним Артём и ещё двое рабочих начинают выгружать коробки и рулоны.

— Ты чего здесь? — спросил Илья, подходя. — Мы договаривались на два часа.

— Я пришла раньше. Дом разбираю.

Он оглядел её — видимо, заметил пыль на руках, что-то в лице, — но ничего не сказал, только кивнул.

— Я привёз материалы. Плёнку, растворитель, свинец. Всё, что ты просила. — Он помолчал. — Это в оранжерею. Но я думал, ты захочешь часть оставить здесь. В мастерской.

Вера посмотрела на него.

— Откуда ты знаешь, что здесь мастерская?

— Тётя Нина сказала. — Илья усмехнулся. — Она позвонила мне утром. Сказала, что я должен привезти материалы не только на объект, но и сюда. Что у тебя теперь есть место, где работать.

Вера мысленно прокляла тётю Нину, её прямоту и её уверенность в том, что она имеет право распоряжаться чужими жизнями.

— Она ошибается, — сказала Вера. — Я здесь не останусь.

— Это не моё дело, — сказал Илья спокойно. — Я просто привёз материалы. Куда их?

Она хотела сказать: в оранжерею, всё в оранжерею. Но вместо этого открыла дверь шире и сказала:

— В мастерскую. Вон там, в конце коридора.

Они разгружали вдвоём, пока Артём с рабочими ждал у машины. Коробки были тяжёлые, рулоны неудобные, и к тому времени, как всё было перенесено, Вера вспотела и вымазалась в пыли. Илья тоже — на рукаве куртки осталось серое пятно, которого он не замечал.

— Чай будешь? — спросила она, сама не зная, зачем.

— Буду.

Они сидели на крыльце, пили чай из чашек, которые Вера нашла в буфете и сполоснула под краном, и смотрели на воду в конце улицы. Солнце уже начинало клониться к западу, и свет стал мягче, золотистее. Где-то играло радио, кто-то звал ребёнка домой.

— Я тебя не узнал в тот день, — сказал вдруг Илья. — На крыльце. Первую секунду.

— Я тоже тебя.

— Я подумал: она изменилась. Но потом ты сказала «здравствуй», и всё стало на место.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.